

№ 3 (291). МАРТ 2015

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

В. Э. БОРИСОВ-МУСАТОВ. ПРОГУЛКИ ПРИ ЗАКАТЕ
[В УСАДЬБЕ ЗУБРИЛОВКА].
ХОЛСТ, МАСЛО. 1903 ГОД

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н. М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:

Митрополит Истринский Арсений (Епифанов),
А. А. Белай, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов

Художник-верстальщик:

С. В. Певцова

Редактор-корректор:

Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала «Московский журнал. История государства Российского». 2015

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

Адрес редакции и издателя: 109004, Москва, Никольямская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru

Журнал зарегистрирован Государственным Комитетом РФ по печати. Свидетельство № 012120 от 14.04.1999.

Подписано к печати 11.02.2015.
Печать офсетная.
Объем 12 п. л. Формат 64 х 90/8.

Тираж 5000 экз.
Цена договорная.

Заказ №

Отпечатано:
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая Типография»:
142300, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Материалы основных рубрик рецензируются.

В НОМЕРЕ:

ЗАБЫТОЕ ИМЯ 2 *Инна Валериевна Островская*
«Дело общественного благоустройства»
Об архитекторе М. А. Врангеле (1886–1963)

ВЕРСИИ 8 *Сергей Владимирович Костко*
Георгиевский крест генерала П. Н. Врангеля
Об одном награждении времен Первой мировой войны

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ КОММЕНТАРИИ 13 *Владимир Алексеевич Воропаев*
«Каждо из нас званье свято»
Н. В. Гоголь и император Николай I

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА 22 *Евгений Павлович Романов*
Платонов, Шкловский и «Лянчия»
Об одном эпизоде из жизни писателей А. П. Платонова (1899–1951) и В. Б. Шкловского (1893–1984)

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 26 *Любовь Евгеньевна Городнова*
«Очаровательная греза XVIII века»
Об одной из известнейших российских дворянских усадеб — Зубриловке и ее владельцах, князьях Голицыных и Голицыных-Прозоровских

АРХИВНЫЕ НАХОДКИ 46 *Виктория Николаевна Торопова*
«Бессилие смерти»
Письмо Т. А. Сидоровой (урожденной Буткевич) С. Н. Дурьлину о смерти и похоронах протоиерея Алексея Мечёва

ДАТЫ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ 52 «Пастырь по сердцу народному»
К 90-летию со дня рождения протопрезвитера Матфея Стаднюка

РАССКАЗЫ ИЗ ПРОШЛОГО 56 *Елена Юрьевна Студнева*
Павел и Паша
О давней беседе автора с вдовой художника П. Д. Корина (1892–1967) П. Т. Кориной (1900–1992)

МОСКОВСКИЕ ИСТОРИИ 60 *Владимир Александрович Бессонов*
Дом на Соколиной улице
Из жизни литературной Москвы начала XX века

ЛЕТОПИСЕЦ 89 *Галина Владимировна Сорокина*
8–9, 12–13 декабря 2014 года
Виллойск, Кеданда, Якутск
«Московский журнал» на «Земле Олонхо»

Владимир Алексеевич Воропаев

«Каждого из нас званье свято»

Н. В. Гоголь и император Николай I

В письме «Исторический живописец Иванов», адресованном графу Матвею Юрьевичу Виельгорскому и вошедшем в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь рассказал следующее: «Я очутился в городе, где не было почти ни души мне близкой, без всяких средств, рискуя умереть не только от болезни и страданий душевных, но даже от голода. <...> Спасен я был Государем. Нежданно ко мне пришла от него помощь. Услышал ли он сердцем, что бедный подданный его на своем неслужащем и незаметном поприще помышлял сослужить ему такую же честную службу, какую сослужили ему другие на своих служащих и заметных поприщах, или это было просто обычное движение милости его. Но эта помощь меня подняла вдруг»¹.

Сравнительно недавно И. А. Виноградов опубликовал письмо Гоголя к императору Николаю Павловичу от 18 апреля (новый стиль) 1837 года², проясняющее данный эпизод: «Всемиловейший Государь! Простите великодушно смелость Вашему бедному подданному, дерзающему возносить к Вам неизвестный голос. Находясь в чужой земле, среди людей, лишенных участия ко мне, к кому прибегну я, как не к своему Государю? Участь поэтов печальна на земле: им нет пристанища, им не прощают бедную крупницу таланта, их гонят, — но венценосные властители становились их великодушными заступниками». И далее: «Я болен, я в чужой земле, я не имею ничего — и молю Вашей Милости, Государь: ни-

*Ф. Крюгер. Портрет императора Николая I.
Холст, масло. 1852 год*

спошлите мне возможность продлить бедный остаток моего существования до тех пор, пока совершу начатые мною труды и таким образом заплачу свой долг отечеству, чтобы оно не произнесло мне тяжелого и невыносимого упрека за бесполезность

моего существования. Клянусь, это одна только причина, понудившая меня прибегнуть к стопам Вашим»³.

Письмо написано в Риме, куда Гоголь приехал в марте 1837 года. Спустя три недели он сообщал Василию Андреевичу Жуковскому, имея в виду работу над «Мертвыми душами»: *«Я должен продолжать мною начатый большой труд, который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание и который обратился для меня с этих пор в священное завещание. Я дорожу теперь минутами моей жизни, потому что не думаю, чтобы она была долговечна, а между тем <...> я начинаю верить тому, что прежде считал басней, что писатели в наше время могут умирать с голоду. <...> Я думал, думал, и ничего не мог придумать лучше, как прибегнуть к Государю. Он милостив, мне памятно до гроба то внимание, которое он оказал моему Ревизору. Я написал письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написанным как следует, будьте моим представителем»*⁴. Гоголь просил Жуковского найти случай указать царю на два свои произведения — «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба»: *«Это те две счастливые повести, которые нравились совершенно всем вкусам и всем различным темпераментам. <...> Если бы их прочел Государь! Он же так расположен ко всему, где есть теплота чувств и что пишется прямо от души»*⁵.

Письмо Гоголя было передано царю, который распорядился выслать ему через Русскую миссию 500 червонцев. Николай I помнил историю с постановкой комедии «Ревизор» на сцене Александринского театра в Петербурге⁶. По преданию, оказавшись после дорожного происшествия в уездном городе Чембаре Пензенской губернии и принимая местных чиновников, он воскликнул: «Ба! Да я вас знаю!» — и пояснил: по «Ревизору» Гоголя⁷.

Все свои книги, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки», Гоголь преподносил членам царствующего дома и самому императору. До конца жизни он оставался убежденным монархистом. В его статье «О преподавании всеобщей истории», опубликованной в «Арабесках» (1835) и им самим датированной 1832 годом, Николай I назван «Великим Государем». Здесь же Гоголь говорит, что стремится образовать сердца юных слушателей, дабы «не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чес-

Э. Бушарди. Портрет В. А. Жуковского.
Соус, белила. 1827 год

ти и своей клятве — быть верными своему Отечеству и Государю»⁸. Именно эти строки Гоголь, видимо, зачитывал Ивану Сергеевичу Тургеневу в октябре 1851 года в доказательство неизменности своих монархических взглядов, вопреки обвинениям Герцена в «отступничестве». «Помнится, речь шла о необходимости строгого порядка, безусловного повиновения властям и т. п., — вспоминал Тургенев, неприятно относившийся как к ранним гоголевским статьям в «Арабесках», так и к «Выбранным местам из переписки с друзьями». «Вот видите, — твердил Гоголь, — я и прежде всегда то же думал, точно такие же высказывал убеждения, как и теперь!.. С какой же стати упрекать меня в измене»⁹. «Преданность к Религии и привязанность к Отечеству и Государю» Гоголь называл «священными словами»¹⁰.

В 1845 году в декабре Николай I посетил Рим. «Я его видел раза два-три мельком, — писал Гоголь графу Александру Петровичу Толстому 2 января (новый стиль) 1846 года. — Его наружность была прекрасна, и ею он произвел впечатление большое в римлянах. Его повсюду в народе называли просто *Imperatore*, без прибавления: *di Russia*, так что иностранец мог подумать, что это был законный государь здешней земли. <...> К художествам и к искусствам Государь был благосклонен. Показал вкус в выборах и в заказах и даже в том, что заказал немного.

Помощь, оказанная бедным, тоже сделана с рассмотрением. Бог да спасет его и да внушит ему всё, что ему нужно, что нужно истинно для доставления счастья его подданным! Если он молится и если молится так сильно и искренно, как он действительно молится, то, верно, Бог внушит ему весь ход и надлежащий закон действий. «Сердце царя в руке Божией», — говорит нам Божий же глагол. И если медлит когда исходить от царя всем очевидное благо, то, верно, так нужно; верно, мы стоим того за грехи наши»¹¹.

Вскоре в письме к Александре Осиповне Смирновой от 27 января (новый стиль) Гоголь заметил: «Я не представлялся к нему (императору. — В. В.) потому, что стало стыдно и совестно, не сделавши почти ничего еще доброго и достойного благоволения, напоминать о своем существовании. <...> Государь должен увидеть меня тогда, когда я на своем скромном поприще сослужу ему такую службу, какую совершают другие на государственных поприщах»¹². А в письме к Жуковскому от 6 февраля (новый стиль) Гоголь приводит новые подробности пребывания Николая I в Риме: «Был очень ласков с художниками. Весьма похвалил Иванова, которого картина ему очень понравилась. <...> Бывши в куполе Петра, он достигнул самого яблока и написал в нем: «Здесь был

Император Николай и молился о благоденствии матушки России»¹³.

В связи с хлопотами друзей по поводу назначения Гоголю государственного пособия Жуковский писал Смирновой в январе 1845 года: «Вам бы надо о нем позаботиться у царя и царицы. Ему необходимо надобно иметь что-нибудь верное в год. Сочинения ему мало приносят, и он в беспрестьянной зависимости от завтрашнего дня. Подумайте об этом; вы лучше других можете охарактеризовать Гоголя с его настоящей, лучшей стороны»¹⁴. И вот Гоголь получает от царя трехлетний «пенсион» по тысяче рублей в год. Такую же сумму прибавил наследник, Великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II).

В дневнике А. О. Смирновой (запись от 11 марта 1845 года) есть любопытные подробности: «Государь перебил разговор. Я ему напомнила о Гоголе, он был благосклонен. «У него есть много таланту драматического, но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие». — «Читали вы «Мертвые души»? — спросила я. — «Да разве они его? Я думал, что это Соллогуба». <...> Я советовала их прочесть и заметить те страницы, где выражается глубокое чувство народности и патриотизма»¹⁵.

В том, что Николай I ошибался относительно авторства «Мертвых душ», на самом деле нет ничего удивительного. Его современный биограф отмечает: «Благодаря В. А. Жуковскому и А. О. Смирновой-Россет, вокруг которой сложился кружок литераторов, Николай Павлович был в курсе основных тенденций развития литературы», однако, «занятый государственными делами», вряд ли мог успеть в должной мере ознакомиться «со всеми новинками русской литературы»¹⁶. К тому же в 1845 году вышла повесть графа В. А. Соллогуба «Тарантас», имевшая большой успех. Летом того же года Смирнова извещала Гоголя: «Тарантас» очень понравился Государю, он очень часто о нем говорил»¹⁷.

В феврале 1847 года Гоголь пишет графу А. П. Толстому из Неаполя о заботливости, проявленной по отношению к нему императором в связи с его, Гоголя, паломничеством в Иерусалим: «Государь был так милостив ко мне, и еще месяц тому назад, узнавши о моем путешествии, мной предпринимаемом, расспрашивал

Г. Г. Чернецов. Пушкин, Крылов, Жуковский и Гнедич в Летнем саду. Картон, масло. 1832 год

с участием обо мне у Мих[аила] Юрьев[ича] Виельг[орского] и дал приказание канцелеру написать во все посольства, миссии и начальства тех земель на Востоке, где ни буду проходить, оказывать мне особое покровительство»¹⁸.

У нас нет прямых свидетельств о личном знакомстве Гоголя с царем. Но оно, без сомнения, состоялось. Это следует, в частности, из письма к Гоголю неустановленного лица (из Одессы, 8 мая 1848 года): «В Петербурге, если будешь видеть Государя Императора, то скажи ему, что я живу в Одессе, расскажи ему о моем семейном быте и что есть надежда ему со мною повидаться в Петербурге в июле месяце. Исполнением этой моей просьбы ты задушевно меня обяжешь»¹⁹.

* * *

В статье «О лиризме наших поэтов» («Выбранные места из переписки с друзьями») Гоголь утверждает: «От множества гимнов и од царям поэзия наша, уже со времен Ломоносова и Державина, получила какое-то величественно-царственное выражение. Что их чувства искренни — об этом нечего и говорить. Только тот, кто наделен мелочным остроумием, способным на одни мгновенные, легкие соображенья, увидит здесь лесть и желание получить что-нибудь». Размышляя о значении самодержавия для России, Гоголь ссылается на А. С. Пушкина. «Зачем нужно, — говорил он, — чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти. Государство без полномочного монарха — автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигли Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выведенного яйца не стоит. Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А кажется, он сам ни-

Н. М. Алексеев. Портрет
А. О. Смирновой-Россет. Акварель. 1844 год

чего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить, в том и другом месте, какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия!» Как метко выразился Пушкин! Как понимал он значенье великих истин!»²⁰

Недавно увидело свет новое издание «Пушкин в воспоминаниях современников». Там говорится, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь создает «консервативную легенду» о Пушкине. Факты, однако, свидетельствуют об обратном. Суждения поэта, приводимые Гоголем, удостоверяются и другими источниками. Так, например, слова Пушкина о Соединенных Штатах, сказанные, видимо, в личной беседе, находят подтверждение в мемуарах Веры Ивановны Анненковой, видевшей Пушкина в январе 1837 года у Великой княгини Елены Павловны: «Разговор был всеобщим, говорили об Америке. И Пушкин сказал: «Мне меша-ет восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом»²¹.

Пушкинское высказывание по поводу «высшей милости, умягчающей закон», отозвалось в финале первоначальной редакции «Повести о капитане Копейкине» в «Мертвых душах». Копейкин после разбойничьих походов бежит в Соединенные Штаты и пишет оттуда царю письмо (далее цитируется монолог одного из персонажей «Повести...»): «*Не наказуй, — говорит, — моих сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, так сказать, собственно мною, а окажи лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если там попадутся раненые, так чтобы примером за ними эдакое, можете себе представить, смотрение...*» — словом, красноречиво необыкновенно. Ну, Государь, понимаете, был тронут. Действительно, его монаршему сердцу было прискорбно: хотя он (Копейкин. — **В. В.**) точно, был преступник и достоин в некотором роде смертельного наказания, но, видя, так сказать, как может невинный иногда произойти — подобное упущение, да и невозможно, впрочем, чтобы в тогдашнее смутное время все было можно вдруг устроить, один Бог, можно сказать, только разве без проступков, — словом, сударь мой, Государь изволил на этот раз оказать беспрецедентное великодушие: повелел остановить преследование виновных, а в то же время издал строжайшее предписание составить комитет исключительно с тем, чтобы заняться улучшением участи всех, то есть раненых — и вот, сударь мой, это была так сказать, причина, в силу которой положено было основание инвалидному капиталу, обеспечившему, можно сказать, теперь раненых совершенно, так что подобного попечения действительно ни в Англии, ни в разных других просвещенных государствах не имеется»²².

В подтверждение монархических убеждений Пушкина Гоголь приводит стихотворение «К Н***» («С Гомером долго ты беседовал один...»), впервые опубликованное в 1841 году: «*Это внутреннее существо — силу самодержавного монарха — [Пушкин] даже отчасти выразил в одном своем стихотворении, которое между прочим ты сам (В. А. Жуковский. — **В. В.**) напечатал в посмертном собрании его сочинений, выправил даже в нем стих, а смысла не угадал. Тайну его теперь открою. Я говорю об оде Императору Николаю, появившейся в печати под скромным именем: «К Н***». Вот ее происхождение. Был вечер в Аничковом дворце,*

один из тех вечеров, к которым, как известно, приглашались одни избранные из нашего общества. Между ними был тогда и Пушкин. Все в залах уже собралось; но Государь долго не выходил. Отдалившись от всех в другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей от дел минутой, он развернул «Илиаду» и увлекся нечувствительно ее чтением во все то время, когда в залах давно уже гремела музыка и кипели танцы. Сошел он на бал уже несколько поздно, принесся на лице своем следы иных впечатлений. Сближение этих двух противоположностей скользнуло незамеченным для всех, но в душе Пушкина оно оставило сильное впечатление, и плодом его была следующая величественная ода».

Здесь Гоголь цитирует стихотворение в том виде, в каком его опубликовал Жуковский:

*С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали.
И светел ты сошел
с таинственных вершин
И вынес нам свои скрыжали.
И что ж? Ты нас обрел в пустыне
под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаяся лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял нас, бессмысленных детей,
Разбив листы своей скрыжали.
Нет! Ты не проклял нас.
Ты любишь с высоты
Сходить под тень долины малой,
Ты любишь гром небес,
и также внемлешь ты
Журчанью пчел над розой алой.*

«Оставим личность Императора Николая, — продолжает Гоголь, — и разберем, что такое монарх вообще, как Божий помазанник, обязанный стремиться вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог, и вправе ли был Пушкин уподобить его древнему Боговидцу Моисею?» Далее, сказав о богоустановленности царской власти, ведущей свое происхождение от ветхозаветных пророков, Гоголь замечает: «*Кажется, как бы в этом стихотворении Пушкин, задавши вопрос себе самому, что такое эта власть, сам же упал во прах перед величием возникнувшего в душе его ответа*»²³.

Впоследствии биограф Пушкина Павел Васильевич Анненков обнаружил

и напечатал еще одну строфу из рассматриваемого стихотворения:

*[Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем
летает он
Во след Бовы иль Еруслана.]*

Строки, взятые нами в квадратные скобки, в автографе зачеркнуты: очевидно, Пушкин испытывал по поводу их смысла некое сомнение — они не соотносятся со всем предыдущим.

В первом и единственном прижизненном издании «Выбранных мест...» тайна стихотворения «К Н***» (эпизод о том, как император Николай Павлович читал «Илиаду») была исключена цензурой, что привело к недоумениям и кривотолкам. Современники считали его адресатом переводчика «Илиады» Николая Ивановича Гнедича. Например, В. Г. Белинский в пятой статье пушкинского цикла упоминает это стихотворение под заглавием «К Гнедичу». Поэт и литературный критик Степан Петрович Шевырев писал Гоголю 30 января 1847 года: «Как мог ты сделать ошибку, нашед в послании Пушкина к Гнедичу совершенно иной смысл, смысл неприличный даже? Не знаю, как Плетнев не поправил тебя. Послание адресовано к Гнедичу: как же бы Пушкин мог сказать кому другому «ты проклял нас»?»²⁴

Замечание Шевырева несправедливо. Во-первых, смысл данного места прямо противоположный:

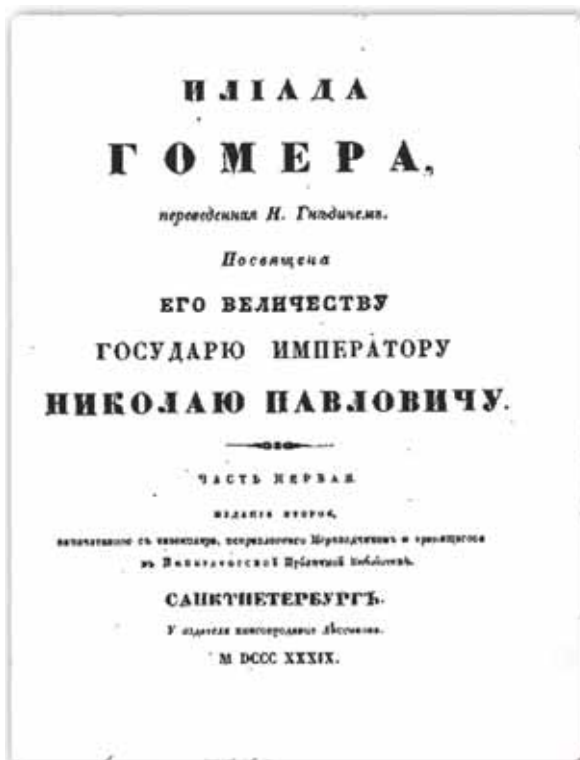
*Ты проклял нас, бессмысленных детей,
Разбив листы своей скрыжали.
Нет! Ты не проклял нас...*

Во-вторых, Шевырев и Гоголь цитируют стихотворение по первой публикации. Ни тот, ни другой не видели автографа — а в нем указанная строка читается иначе: «Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей».

Гоголь в письме от 27 января (новый стиль) 1847 года из Неаполя посылает Шевыреву исключенный цензурой отрывок статьи с пояснением: «Слух о том, что это стихотворение Гнедичу, распустил я. С моих слов повторили это «Отечественные]

Записки]»²⁵. В свою очередь, Петр Александрович Плетнев уверял Шевырева (письмо от 24 марта 1847 года): «То, что вы считаете за послание Пушкина к Гнедичу (как и я иногда думал), писано к Государю. Раз, во время балу в Аничковом дворце, он долго не выходил, остановившись над Илиадой, которая попалась ему на глаза и которую он стал тут читать. При вступлении его заметили на его лице выражение серьезное. Это видел и Пушкин, который, возвратясь домой, и написал: «С Гомером долго ты беседовал один» и проч. Прочтите до конца: вам теперь будет понятно каждое слово. А прежде, когда я вместо Государя воображал Гнедича, не мог растолковать себе, к чему говорится тут о пляске и проч.»²⁶

Так или иначе, первые издатели Пушкина в комментариях отмечали: стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...» посвящено императору Николаю Павловичу. И здесь, помимо авторитета Гоголя, имела значение датировка — 1834 год, в то время как Гнедич умер в 1833-м. Маловероятно, что Пушкин стал бы писать почти панегирик Гнедичу, обращаясь к нему как к живому («Ты любишь с высоты / Сходить под тень долины малой, / Ты любишь гром небес...»). Последняя палеографическая экспертиза подтвердила: дата «1834» в черновом автографе проставлена рукой Пушкина²⁷.

Титульный лист «Илиады» Гомера в переводе Н. И. Гнедича с посвящением Николаю I

Люди с чуткой поэтической душой не сомневались относительно адресата пушкинского послания. Так, например, Афанасий Афанасьевич Фет в декабре 1887 года писал Великому князю Константину Романову (поэту К. Р.): *«В глубине души я вынужден признать, что, невзирая на верноподданнические убеждения, я не был бы так предан памяти Императора Николая, если бы не знал его глубокого сочувствия всем свободным искусствам вообще, сочувствия, так ярко выставленного Пушкиным стихом: «С Гомером долго ты беседовал один»²⁸.*

Черновые строки стихотворения (неизвестные Гоголю) со всей определенностью указывают на государя Николая Павловича: *«Могучий властелин / С Гомером долго ты беседовал один».* Для автора «Стансов» Николай I был царь «суровый и могучий»:

*И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал...*
(«Была пора: наш праздник молодой...», 1836).

В советском литературоведении, однако, утвердилось мнение, что стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...» обращено к Гнедичу — переводчику «Илиады»²⁹. Тем не менее, ряд вопросов остается без ответа. Если Пушкин имел в виду Гнедича, почему в таком случае Жуковский не назвал адресата? Кем озаглавлена беловая рукопись и кто скрыт под этим заглавием — «К Н***»? Откуда Белинский мог знать то, чего не знали Плетнев и Жуковский? Зачем Гоголь «распустил» явно неверный слух?

Создается впечатление, что Гоголю было известно нечто неведомое друзьям Пушкина. История, рассказанная в статье «О лиризме наших поэтов», находит подтверждение в «Записках А. О. Смирновой», изданных ее дочерью Ольгой Николаевной Смирновой. Вот уже более ста лет подлинность «Записок» является предметом споров. Здесь, в частности, упоминаются поэмы и стихотворения Пушкина, передававшиеся Александрой Осиповной на прочтение Николаю I. Среди них — *«стихи Н., когда Государь читал Илиаду перед балом».* *«Этот последний факт, — говорит Пушкин, — я рассказал Гоголю, который записал его, так он был им поражен»³⁰.* На вопрос поэта, почему она хотела тотчас показать царю эти стихи, Смирнова сказала: *«Потому что они прекрасны и доставили ему удовольствие, да вы и сами отлично знаете, что он мне ответил».* Ответ же, по ее словам, гласил: *«Я и не по-*

*М. П. Вишневецкий. Н. И. Гнедич.
Холст, масло. 1839 год*

дозревал, чтобы Пушкин до такой степени за мною наблюдал и чтобы это даже могло поразить его. Это не поразило никого более из бывших на бале»³¹.

Но все-таки мы не вправе отбросить Гнедича как хотя бы «привходящего» адресата послания. Признаем, что смысл стихотворения нельзя объяснить до конца. Возможно, Пушкин отчасти имел в виду и великий труд Гнедича, посвященный, кстати, «сочувствовавшему всем свободным искусствам» монарху...

* * *

В «Выбранных местах...» Гоголь откровенно высказал свои взгляды на веру, Церковь, царскую власть, Россию, слово писателя, поэзию. Собственно говоря, для тех, кто знал Гоголя, взгляды эти не были неожиданными. Таковыми они оказались для публики и критиков. В. Г. Белинский обвинил Гоголя в измене собственному дарованию, в лицемерии и даже корысти, утверждая, что *«гимны властям предержавшим хорошо устраивают набожного автора»* и что книга написана с целью попасть в наставники к сыну наследника престола. *«Не буду распространяться о вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками. Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия. <...> Что касается до меня лично, предоставляю вашей совести упиваться созерцанием*

божественной красоты самодержавия (оно покойно, да, говорят, и выгодно для вас); только продолжайте благоразумно созерцать ее из вашего прекрасного далека...»³²

Гоголь отвечал (в набросках неотправленного письма): «Вам показались ложью слова мои Государю, напоминающие ему о святости его званья и его высоких обязанностей. Вы называете [их] лестью. Нет, каждому из нас следует напоминать, что званье его свято, и тем более Госуд[арю]. Пусть вспомнит, как страшен ответ, который [потребуется] от него. Но если каждого из нас званье свято, то тем более званье того, кому достался трудный и страшный удел заботиться о мил[л]иона[х]»³³.

В записной книжке Гоголя 1846–1850 годов содержится отрывок, который также можно считать своеобразным ответом Белинскому: «А вы думаете, легко воров выгнать? Царь, который только и думает о том, как их выгнать, да и тот не может, — царь, у которого и войско, и всякая сила есть. Как же вы хотите, без всякой силы и власти, это сделать? Что спяна передутье всех, думаете поправить? Думаете, лучше будет погибнуть? Те, которых шеи потопице, останутся. Что, те святые, что ль. Еще большие станут допекать друг друга»³⁴.

Упрек Гоголю в его стремлении получить место воспитателя при сыне наследника основывался на предвзято истолкованных слухах. Подобное намерение — кстати, вполне благородное — у Гоголя действительно существовало: перед глазами был пример Жуковского. Художник Михаил Железнов, ученик Карла Брюллова, вспоминал, как однажды в конце декабря 1851 года он вместе с другом Алексеем Чернышевым, тоже живописцем, обедал у московского генерала Сергея Францевича Фон-Брина. «Фон-Брин привез нас в свою квартиру. Его встретил в зале какой-то полковник, высокий плотный красивый мужчина, товарищ Гоголя по лицу»³⁵, который объявил, что Гоголь обещался приехать к обеду, если будет хо-

рошо себя чувствовать, а потом, обратясь к Чернышеву, присовокупил: «Алексей Филип[п]ович, если Гоголь, паче чаяния, к обеду не явится, то сегодня вечером попросите Мокрицкого (профессора живописи в Московском училище живописи и ваяния)»³⁶ передать ему, что место, которое он желает получить при детях наследника, уже занято и что ему нельзя получить этого места». Чернышеву не было нужды передавать Мокрицкому слова полковника, потому что Гоголь сдержал слово и к четырем часам приехал к Фон-Брину»³⁷.

Об отношении же Гоголя к монархии красноречиво говорят, например, следующие строки: «Поэты наши прозревали значение высшее монарха, слыша, что он неминуемо должен наконец сделаться весь одна любовь, и таким образом станет видно всем, почему Государь есть образ Божий, как это признает, покуда чутьем, вся земля наша. <...> Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значенье свое — быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь. <...> Страницы нашей истории слишком явно говорят о воле Промысла: да образуется в России эта власть (самодержавная. — **В. В.**) в ее полном и совершенном виде. <...> Все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах произвести этот знаменитый переворот всего в государстве, все потрясти и, всех разбудивши, вооружить каждого из нас тем высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку разобрать, осудить самого себя и воздвигнуть в самом себе ту же брань всему невежественному и темному, какую воздвигнул царь в своем государстве; чтобы потом, когда загорится уже каждый эту святою бранью и все придет в сознание сил своих, мог бы также один, всех впереди, с светильником в руке, устремить как одну душу, весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия»³⁸.

¹Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем в 17 тт. Т. VI. М.-Киев, 2009. С. 121.

²См.: Виноградов И. «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С пометкой «новый

стиль» приводится датировка фигурирующей в статье заграничной корреспонденции.

³Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем в 17 тт. Т. XI. М.-Киев, 2009. С. 106–107.

⁴Там же. С. 105.

⁵Там же.